

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
Санкт-Петербургский филиал Института востоковедения

MONGOLICA-VII

посвящается 100-летию со дня рождения Д. Нацагдорджа
(монг. Д. Нацагдорж)

Составитель И. В. Кульганек

St. Petersburg
2007

УДК 951.93
ББК ТЗ(5Мо)

Редакционная коллегия:
И. В. Кульганек (председатель), *Л. Г. Скородумова*, *Н. С. Яхонтова*

Проект реализован при финансовой поддержке Правительства Санкт-Петербурга

Монголика-VII: Сб. ст. — СПб.: Петербургское Востоковедение, 2007. — 144 с.

Сборник посвящен 100-летию со дня рождения Дашдоржийна Нацагдорджа (монг. Дашдоржийн Нацагдорж) (1906—1937) — выдающегося монгольского поэта, драматурга, писателя, переводчика, общественного деятеля, одного из самых образованных людей Монголии своего времени. Значение творчества Д. Нацагдорджа для культуры Монголии неосценимо. Его по праву можно назвать основоположником новой национальной реалистической литературы, воедино связавшим в своем творчестве фольклорные традиции и авторское литературное новаторство.

Основными авторами сборника являются преимущественно ученые петербургской школы, хотя многие из них работают в настоящее время, помимо Санкт-Петербурга, в научных центрах Москвы, Бурятии, Калмыкии, где сосредоточена отечественная монголистика.

Статьи написаны в русле основных научных приоритетов и с позиций современного монголоведения, для которого историко-культурные проблемы монгольязычных народов существенны, несут важную общественную нагрузку и имеют как чисто научное, так и общеисторическое практическое значение.

«Монголика-VII» имеет 7 разделов — «Литературоведение и фольклористика», «Историография и источниковедение», «Научные архивы востоковедов», «Наши переводы», «Новости научной жизни», «Рецензии», мемориальная часть сборника посвящена научному и художественному наследию Д. Нацагдорджа.

Сборник статей рассчитан на специалистов-монголоведов, историков науки, культурологов и всех, интересующихся историей России и Центральной Азии.

Перепечатка данного издания, а равно отдельных его частей запрещена. Любое использование материалов данного издания возможно исключительно с письменного разрешения издательства.

No part of this publication may be reproduced, stored in a retrieval systems or transmitted in any form or by any means: electronic, magnetic tape, mechanical, photocopying, recording or otherwise without permission in writing form of the publishing house.

ISBN 978-5-85803-360-8

9 785858 033608

© Петербургское Востоковедение, 2007

© Санкт-Петербургский филиал Института востоковедения РАН

Зарегистрированная торговая марка

Содержание

Предисловие	5
К. Н. Яцковская	Из рода «хранителей тайны огня» 10
Л. К. Герасимович	Еще раз о рассказе Д. Нацагдорджа «Слезы ламы» 20
Л. Г. Скородумова	Мифопоэтическая концепция в творчестве Д. Нацагдоржа (Опыт реконструкции текста) 23
Л. С. Дампилова	Д. Нацагдордж и современная монголоязычная поэзия 32
Литературоведение, фольклористика	
М. П. Петрова	Поэтика постмодернизма в романе Г. Аюрзаны «Долг в десять снов» 35
Б. С. Дугаров	Образ Хормусты в монгольской эпической традиции 37
К. А. Эдлеева	Жанрово-композиционное своеобразие магтала 41
Д. А. Николаева	Генезис мифоритуальных аспектов кругового танца « <i>ёхор</i> » у западных бурят 46
Д. Нансалма	Одежда монголов 54
Историография и источниковедение	
Е. И. Кычанов	Отголоски сюжета об «избиении младенцев» в рассказах о предках Чингис-хана 57
Н. А. Лифанов	Род Тайчжиуд и начало монгольской государственности 59
А. Г. Юрченко	Кумысная церемония при дворе Бату-хана 62
Ю. И. Дробышев	Экологические сюжеты в средневековом монгольском законодательстве 71
В. Л. Успенский	Монгольские рукописи и ксилографы, поступившие в Санкт-Петербургский университет от А. В. Попова 83
Научные архивы востоковедов	
	Из воспоминаний М. И. Клягиной-Кондратьевой 87
	Письма А. Д. Симукова к П. К. Козлову и Е. В. Козловой 102
Наши переводы	
	Из поэзии Д. Нацагдорджа 110
Ц. Тумэнбаяр	Уральская рябинушка 112
	Из современной монгольской прозы 114
Новости научной жизни	
	Конференция, посвященная Агвану Доржиеву (Санкт-Петербург, Россия) 120
	Конференция, посвященная эпосу «Джангар» (Урумчи, Китай) 123
Обзоры и рецензии	
	Обзор изданий на русском языке по монголоведению за 2006—2007 годы 126
	Рецензии 133
Некролог 138
Summary 140

Письма А. Д. Симукова к П. К. Козлову и Е. В. Козловой*

Имя Андрея Дмитриевича Симукова занимает видное место в истории изучения Монголии, становлении и развитии целого ряда научных направлений Ученого комитета Монголии.

Знакомясь с достаточно обширной библиографией работ о нем, вышедших за последние 15 лет, трудно предположить, что до начала 1990-х гг. об А. Д. Симукове практически ничего не было известно. Необоснованный арест в 1939 г. наложил «вето» на упоминание его имени¹. Впервые воспоминаниями об А. Д. Симукове в 1971 г. поделилась Н. П. Шастина [5: 206—218], она же опубликовала и несколько его писем к родным. В 1987 г. большой очерк о нем написал журналист А. М. Кривель [2: 124—140].

В конце 1980-х гг. новые социально-политические условия в стране позволили получить доступ к ранее закрытым архивным материалам. В 1992 г. появилась написанная А. М. Решетовым первая научно-биографическая работа об А. Д. Симукове [3: 228—235], где впервые была рассказана вся правда о его трагической смерти. В 1994 г. *Mongolica* опубликовала большой материал, подготовленный дочерью ученого Н. А. Симуковой [6: 57—71]. В дальнейшем исследование жизни и деятельности А. Д. Симукова было продолжено не только российскими, но и монгольскими учеными.

Определенный итог многолетней работе А. Д. Симукова подводит недавно изданный в Японии двухтомник (планируется издание третьего тома) практически всех известных на сегодня его трудов [4]. Эта публикация была осуществлена благодаря подвижническому труду Н. А. Симуковой и поддержке видного японского монголоведа,

проф. Юки Конагая. В издание включены также статьи специалистов, освещающие многогранную исследовательскую работу А. Д. Симукова в Монголии, его вклад в изучение физической и экономической географии, кочевого животноводства и земледелия, пастбищ, картографии, флоры и фауны, этнографии Монголии².

Как уже хорошо известно, свою исследовательскую деятельность А. Д. Симуков начал в Монголо-Тибетской экспедиции П. К. Козлова (1923—1926). Нельзя сказать, что их отношения складывались легко и просто [6]. Представители молодого поколения 1920-х гг., отправляясь в экспедицию, горели желанием совершить научный подвиг. Трудно было свыкнуться с мыслью, что вместо подвига их ожидает ежедневный, на первый взгляд рутинный, труд и, как казалось, мелочные придирки и жесткая требовательность начальника экспедиции. Но по прошествии небольшого времени, начав вести самостоятельные исследования, А. Д. Симуков высоко оценил школу, которую прошел у П. К. Козлова. Благодарность за приобретенный опыт рефреном звучит в его письмах к знаменитому путешественнику.

Публикуемые четыре письма А. Д. Симукова к П. К. Козлову и Е. В. Козловой освещают самый первый период его пребывания в Монголии: деятельность в Ученом комитете, экспедиционные маршруты, о которых не сохранилось архивных материалов, интересные факты из жизни монгольской столицы. Кроме того, имеющиеся в письмах живые, яркие, отмеченные тонкой наблюдательностью описания природы, несомненно, привлекут внимание всех интересующихся историей Центральной Азии.

* Публикация, введение, примечания Т. И. Юсуповой, Н. А. Симуковой.

¹ Следует отметить, что академик В. А. Обручев в своем труде «Восточная Монголия. Географическое и геологическое описание» (Ч. 1, 2. М.; Л., 1947) приводит аннотацию 18 статей А. Д. Симукова в журналах «Хозяйство Монголии» и «Современная Монголия», опубликованных в 1928—1938 гг. Правда, в издании допущена опечатка в отчестве Андрея Дмитриевича: по всей книге он проходит как А. А. Симуков.

² В 1-м томе помещены статьи В. П. Чичагова «А. Д. Симуков и география Монголии», Д. Базаргура «А. Д. Симуков и картографическая наука в Монголии», Б. Батбуяна «А. Д. Симуков и реформа административного деления Монголии», А. Болда «А. Д. Симуков как зоолог», В. В. Грайворонского «О вкладе А. Д. Симукова в изучение кочевого животноводства и земледелия в Монголии», И. Лхагвасурэна «А. Д. Симуков — этнограф» и др.

№ 1 *

Улан-Батор
25 декабря 1926 г.

Глубокоуважаемый Петр Кузьмич!

Прежде всего должен извиниться перед Вами за долгое молчание. Причиной тому была общая ненастроенность моей личной жизни. Теперь мало-помалу все начинает входить в норму, и я могу писать Вам. Прежде всего о поездке моей на запад. Маршрут: Урга — Цзаин-шаби — Урту — Тамир — Хумосай-даба, Туин-гол почти до старого Туйуртона, затем на запад и северо-запад в хурэ Дашидогун, откуда немного на юг и снова на запад почти до Байдарика. И обратно — уртонной дорогой.

Выбрались мы 24-го сент[ября] на авто до Цзаина без приключений. Единственное интересное по дороге — развалины большого монастыря близ уртона Ходасын.

Их мы мельком осмотрели, и немец¹ снял несколько фотографий. По мнению В. И. Лисовского², это был монастырь красного толка, разрушенный цзонхавистами. Кладка стен из дикого камня, причем крупные неправильные куски последнего чередуются со слоями тонких кусков сланца. Все скреплено подобием цемента. Вокруг вал, а вне вала следы арыков.

В Цзаине мы простояли 7 дней, налаживая небольшой караван и кое-какое добавочное снаряжение. Оттуда двинулись по Урту-Тамиру. Пара хайныков с драндулетами и 4 коня — вот и весь наш караван. Я был занят всецело съемкой. Выдающегося на этом пути нам ничего не попало. Единственное обращающее на себя внимание — это классические конечная и боковые морены в верховьях Урту-Тамира. Далее я получил сведения, что на Туин-голе, близ монастыря Туин-голийн-хур, имеется надпись на скале, которую не могут прочесть ни монголы, ни китайцы. К сожалению, у меня не было возможности съездить к этой надписи и срисовать ее. Мы слишком спешили начать наши основные работы. Кроме надписи, близ этого монастыря имеются развалины — прежнее место этого монастыря, по словам монголов.

Через два перехода от Дашидогуна мы пришли к первым на нашем пути монгольским «приискам». Узенькое дно сухой долинки сплошь изрыто, словно тарбаганами. Шурфики один на одном, узенькие и неглубокие — не больше 2—2 ½ саж. Золотоносный пласт тонкий и небогат. По природе здесь был как раз переход от Хангая к Северной Гоби, т. е. все слегка напоминало по характеру ур[очище] Холт. Далеко на юге синела, радуя глаз, громада Ихэ-богдо, а с вершин можно было видеть полосу оз. Боун-цаган-нор. Изучив место, где, между прочим, мы нашли, по видимому, остатки весьма древних плавильных печей — рядом есть следы железа и кам[енного] угля,

мы двинулись к Утыин-голу, к тому месту, недалеко от которого сливаются Утыин-гол с Байдариком. В этом месте горы носят уже совершенно гобийский характер. В районе Утыин-гола много рисунков на скалах. Мотивы знакомые: янгер во всех видах, иногда аргали, барс, редко фигура человека. Вследствие крайне позднего времени мы очень торопились. Какая тут промывка пород, когда ночью морозы до –25°C! Покончив с работами, мы выехали на север, к уртону Байдарик, а там через Огин-даба по большой уртонной дороге в Ургу.

Результатами поездки были геологический маршрут Цзаин—Утыин-гол и подробное обследование целого ряда золотоносных урочищ.

По возвращении (в Ургу мы приехали 22 ноября) я продолжал работать в Миннархозе. Но не так давно В. И. Лисовский получил предложение занять кафедру в Новочеркасском сельхозинституте и собрался уезжать. Т[ак] к[ак] Гнадеберга³ Миннархоз не отпустил, то Ц. Ж. Жамцарано⁴ предложил мне занять место Лисовского и, насколько хватит сил, заменить его в Учкоме. В настоящее время я уже ушел из Миннархоза, вникаю в учкомовские дела с тем, чтобы с 1 января официально вступить в должность. Желание работать у меня огромное.

Вот, собственно, все мои новости. Т[ак] к[ак] все там, в России, ждут писем от меня, то я пока получил всего одно письмо — от жены. Остальные молчат. Поэтому я не имею никакого представления о том, как была встречена экспедиция правительством и обществом, как встретили наши коллекции ученые, что там новенького и т. д. Если у Вас, Петр Кузьмич, найдется время, черкните мне пару строк обо всем этом.

Думаю, что моя работа Вас будет интересовать, поэтому я временами буду писать Вам о том, что делаю и предполагаю делать.

А все-таки, как хотелось бы взглянуть на выставку, увидеть «свои» коллекции, ставшие достоянием науки и широкой публики, услышать Ваши лекции и узнать на диапозитивах знакомые, почти родные места!

Как только налажено будет дело с открытием музея и все в Учкоме придет в свою норму, я сейчас же займусь составлением плана летних работ. Хочется снова к южной границе, в Центральную Гоби, поближе к Шара-хулусуну, на дикий простор, такой знакомый и близкий.

Очень надеюсь на Вашу помощь в смысле завязки постоянных сношений с Академией⁵.

Как устроилась и устраивается вся наша публика? Что подельывают Вася Канаев⁶, Василий Андреевич⁷, Коля⁸. О Коте⁹ я уже кое-что слышал. Здесь я часто вижу Фу-чина¹⁰, иногда Фильчу Вторушина¹¹.

Сам живу ни шатко ни валко. Читал лекцию в деловом клубе под заглавием «Впечатления туриста о Мертвом городе (Хара-хото¹²)». Лекция сошла удачно.

Вечерами иногда бываю в знакомых семейных домах — у Шастиных¹³, Бадмажаповых¹⁴, Всесвятских¹⁵.

* Архив Музея П. К. Козлова (Санкт-Петербург), ф 1, оп. 7, д. 139.

Поздравляю Вас и всех Ваших с праздниками. Глубокий поклон Елизавете Владимировне¹⁶. Привет Владимиру Петровичу¹⁷ и Ольге Петровне¹⁸.

Ваш А. Симуков.

Р. С. Мне бы очень хотелось иметь на память от Вас несколько фотографий, особенно Эцзин-гол, Хара-хото, наши группы и, конечно, общий вид каравана в движении (помните, Ваш снимок между Уйцзен-ваном и Мишик-гуном).

А. С.

Мой адрес: Улан-Батор, Учком, Симукову.

№ 2 *

Суцзуктэ
20 марта 1927 г.

Глубокоуважаемая Елизавета Владимировна!

Простите меня за долгое молчание. Писать Вам я собрался отчасти из-за дела — о нем ниже, отчасти благодаря мысли, что Вам небезынтересно было бы получить весточку от истинно преданного Вам человека, работающего в местах, с которыми, несомненно, связано много приятных для Вас воспоминаний.

Петру Кузьмичу я написал подробное письмо, описав, как обещал, свою поездку на Байдарик. Ответа пока не получил. Или же письмо не дошло, или же Петр Кузьмич не пожелал мне ответить хотя бы парой строк. Если у него было время писать Вере и Марине Бадмажаповым¹⁹, то неужели не нашлось пяти минут, чтобы ответить своему спутнику, хорошо ли, плохо ли, а отслужившему делу экспедиции три года? По накоплении интересного материала буду писать ему еще и еще. Но и мне хотелось бы услышать о Вас обоих, о всех наших, забывших меня, о судьбе наших сборов и нашей работы, о всем, что стало за эти три года так близко и дорого.

Моя судьба здесь не лишена интереса. Через неделю после отъезда экспедиции, т. е. через три недели по приходе каравана нашего в Ургу, я уехал в новую экспедицию-разъезд в Дашидогунский золотосный район. Повторяться не буду, вспомню лишь, какое наслаждение было созерцать тихим осенним вечером, сидя у палатки после трудового дня, громаду Ихэ-богдо, столь знакомую Вам, уже покрытую снегом. Правда, до нее было верст 150, но в Гоби это ведь не мешает! Или вспомните осеннее золото лесов Хангая с белоснежными гольцами на заднем плане. Сидя вечером с ганзой в зубах около огонька в нашем «хуху-майхане» и разговаривая одновременно на трех языках (русском, немецком и монгольском), я чувствовал себя в своей атмосфере.

Обратно мы выехали «уртой»²⁰ на Байдарик-уртон и понеслись по большой уртонской дороге. 20 уртонов проехали в 8 дней, не торопясь. Жирные осенние кони давали подчас возможность поистине лихой скачки. Только Herr Weiske страдал — лоша-

ди гнулись под его 7 пудами и отказывались скакать. Приходилось брать заводную.

В Урге я поработал первое время в Миннархозе, вычерчивая свою съемку. К Рождеству выяснилось, что В. И. Лисовский уезжает надолго, м. б. навсегда, в Россию. В качестве заместителя он выдвинул меня, и дело было решено. С 1-го января этого года я вошел в учкомскую семью при жалованье в 125* (без квартиры). Снял неподалеку от Учкома чудесный отдельный домик и живу там с моим близким другом (экспедиция его не знает), его 14-летним братишкой и нашим дорогим Фу-чином. Жду не дождусь жену. Без нее жизнь какая-то половинчатая.

Да, получается как будто по любимой сердцем нашим песенке:

Друзья мои, не ждите!
Я не вернусь домой...
В путь меня проводите,
Благословите рукой...

За узеньким порогом
Раздолие путей...
Ах! У Господа Бога
Много таких детей!

Которые уходят
В забытые края.
Боль и звезды уводят
От суеты и дня...

Слово в слово исполняю ее. Ждали меня дома, даже варенье сварили — я не вернулся. Узенький порог я, думается, уже перешагнул, а манило-то ведь — раздолие путей...

Чем Гоби не забытый край? А тянет именно туда. Последние же две строчки полностью выражают, почему я перешагнул узенький порог...

Работы в Учкоме по горло. На мне и картографический отдел, и музей, и всякие другие дела. Работаю и вечерами. По части монгольской зоологии в музее почти пусто. Это и будет, пожалуй, моим коньком. Пришлось мне даже начать учиться делать чучела! На безрыбье, поистине, и рак — рыба!

На Цагалху** приехал сюда, поколотил маленько птичек. Сейчас думаю провести здесь апрель. Что буду делать летом — пока темна вода во облацех. Подал докладную записку-смету на поездку к Шара-Хулусуну. Не знаю, как будет с монетой. С этой корявой штучкой у нас туго. А тысячи 2—3 мне нужно на это дело.

Теперь о делах. Помимо чисто черновой работы по сбору типичной фауны Монголии и всяких организационных заданий, мне хотелось бы, что будет в моих силах, поработать и для науки. Обращаюсь к Вам с покорнейшей просьбой помочь мне в этом деле. Я не хочу бродить впотьмах. Мало догадываться о том, что важно и с какой стороны; надо знать. Немного времени ведь отпущено человеку. Прежде всего

* Архив Музея П. К. Козлова (Санкт-Петербург), ф. 2, оп. 17, д. 119.

* Далее следует неразборчивый знак.
** Так в тексте.

книги. Что есть по монгольской фауне? Новейшие перечни, монографии. Ведь у нас нет даже такой важной штуки, как монография Насонова о роде *Ovis*²¹. Лучшие определители. Затем пожелания Бялыницкого-Бирули²², Сушкина²³ и других академиков. Пожелания в таком роде, чтобы мне ясна была основная задача и я мог бы сделать маленькое обобщение. *Noblesse oblige**. Увы! «К вопросу о...». Помните? Но в этом отношении я делаю уступки только благодаря большой плате за нее и то, хочется думать, временную. Впрочем, ведь и С. А.²⁴ написал «о некоторых могильных памятниках бассейна верхней Хары»... Какая грусть!..

Я думаю, что если Вы познакомите академиков с моим существованием и положением на сей планете в настоящем перерождении, они сами заинтересуются всякими возможностями, и тогда я буду просить Вас только о покровительстве, а то за 6000 верст академиком очень даже просто «изгаляться» над моллососом, не рискуя ребрами. Хотя, вероятно, многие вопросы интересуют и Вас лично. Для Вас, будьте уверены, сделаю все, что могу, и даже *über*, т. е. что в обычном порядке не могу.

Конкретно, на всякий случай, хотелось бы знать, что можно сделать в пограничном южном районе, на что обратить сугубое внимание? В общем виде я себе все это отлично представляю, но хотелось бы частных. Думаю, что Вам ясно, чего мне хочется от Академии, в чем нужда нашего Улан-Баторского и всемонгольского музея.

В первый день Цаган-сара я был в Урге. Ровно в полночь мы вышли на двор — загудели монастырские трубы... Начал Гандан. Не успели замереть последние колебания его мощного голоса, отозвался Цзун-хуре, сначала *piano*, *forte*, *fortissimo* и снова кончил *pianissimo*. А там пошли другие, кругом всей — провинциальной для одних и сказочной для других — Урги. С полчаса мы безмолвно слушали эту дивную музыку... Ночь была ясная, теплая. В городе было тихо, но чувствовалось какое-то напряженное, неведомая ургинским *quasi*-«европейцам» мощная жизнь...

Получил ли Петр Кузьмич официальные письма Учкома о высылке крайне необходимых нам копий съемки? Если получил, то как дела с этим вопросом?

Передайте, пожалуйста, ему от меня глубокий поклон и еще раз благодарность за его школу. Результаты сказываются уже сейчас, и, конечно, благодарить и вспоминать его мне придется более чем часто. Это весьма приятный долг.

Привет Владимиру Петровичу и Ольге Петровне, а также всем нашим, кого Вы видите!

Язву Котика следует обругать даже непечатно. Я ему написал, а он мне ни слова. Все решительно меня забыли. Просил я Петра Кузьмича о некоторых фотографиях на память — Эцин-гольских, Харыхото и групповых, и каравана — очень хочется их иметь.

* *Noblesse oblige* (фр.) — положение обязывает.

Низкий поклон Вам и Петру Кузьмичу от Фу-чина и Кузнецовых²⁵. Лидочка их сбежала ... в Дадахэ с полуграмотным парнем-бобылем. Вася Воробьева²⁶ выходит замуж. Павел за стрихнин и ружья в тюрьме.

Ваш А. Симуков.

№ 3*

Ламэн-гэгэн
31 июля 1927 г.

Глубокоуважаемый Петр Кузьмич!

Простите Христа ради мое долгое молчание, над многим я должен был подумать. Прежде всего сообщу Вам о результатах моих раскопок (Ваше письмо касательно их сильно запоздало). Пятый номер оказался с чрезвычайно рыхлой почвой. Все сгнило, от помещений почти ничего не осталось. Взял я лишь урну, два-три золотых листика и 4 подвески зеленого камня с очень интересным орнаментом. Затем я взялся за одинокий курган в Цзурумтэ, пониже Кондратьевского. Тут оказалось прекрасно (благодаря тройному навалу бревен) сохранившееся помещение, но бедное по содержанию. Добыл я, помимо малоинтересных, обычного порядка, предметов хорошо сохранившийся череп, прелестное маленькое рельефное изображение лошадки скифского стиля и лаковую чашечку с китайской надписью, относящейся к погребению и точно устанавливающей его дату (т. е. погребения).

Не знаю, кому пошлет эту надпись Ц. Ж[амцарано] для перевода. Это очень любопытная штучка.

Копал я совершенно так же, как и мы в свое время. Много помог Фу-чин.

Поработав в начале лета в Музее, около первого июля я получил возможность снарядить маленькую экспедицию в Гоби. Собрался я очень быстро, причем во время сборов очень часто вспоминал Вас, т. к. никому не решался доверить даже мелочь. Все от начала до конца сделал сам. Да и во время путешествия каждый день, каждый переход буду вспоминать Вас с глубокой благодарностью за Вашу школу, результаты которой очень и очень заметны.

Маршрут у меня намечен примерно следующий: Ламэн-гэгэн, куда я добрался на авто, Ихэ-богдо, Легин-гол, Немегету, Алтын-ула, район Шархулусуна — здесь центр внимания — м. б., легкий разезд на Эдзин-гол, Ноин-богдо и прямо на Ургу. Из Ламэн-гэгэна я уже съездил на Байдарик с целью осмотреть земледелие там. То же задание у меня на Тацин-голе и Легин-голе.

* Архив Русского географического общества, ф. 18, оп. 3, д. 629. В Архиве РГО находится 8 (в описи ошибочно указано девять) писем А. Д. Симукова к П. К. Козлову. Шесть из них — краткие отчеты А. Д. Симукова о выполнении различного рода просьб и заданий П. К. Козлова в период работы Монголо-Тибетской экспедиции. Наибольший интерес представляют, на наш взгляд, два публикуемых письма, написанных уже после завершения экспедиции.

Состав — я с женой (Миля у меня фотограф и коллектор по ботанике) и два монгола. Один, учкомовский, для сбора расспросных сведений, сношений с властями и помощник по препарированию, другой — повар.

Трудно будет очень, т. к. на юге — засуха. Но задачу свою выполнить постараюсь всеми силами. По возвращении подробно сообщу Вам о результатах поездки и пришлю наиболее интересные фотографии. Вернуться думаю не раньше ноября-месяца.

Очень прошу Вас, Петр Кузьмич, не забыть и меня в Вашем предполагаемом походе на Голубую реку²⁷. Как видите, страсть к странствованиям во мне еще не остыла, да и несомненно остынет. Хотелось бы еще поработать под Вашим руководством.

Большое спасибо Вам за книжку.

Поклон Елизавете Владимировне и Василию Андреевичу.

Ваш А. Симуков

Жена моя, очень часто Вас вспоминающая, шлет Вам свой привет и лучшие пожелания. Добралась она до Урги, благодаря Вам, вполне благополучно.

№ 4 *

Улан-Батор-хото
15 февраля 1928 г.

Многоуважаемый и дорогой Петр Кузьмич!

Много виноват перед Вами за столь долгое молчание. Вы, наверное, получили мое письмо, посланное в конце июля из Ламэн-гэгэна. Думаю, что Вам интересно будет узнать о результатах моей поездки по Гоби. С этого и начну.

Из Ламэн-гэгэна мы обычной дорогой — вниз по Туин-голу — прошли к Ихэ-богдо. Минувя Орок-нор, я вышел прямо в Битютэн-ама, где и простоял дней 5. С большим трудом, пешей экскурсией, мы прошли вдоль всего Вашего каньона и вышли в верховье Битютэн-ама, достигнув ее истока. Этот участок ущелья — выше каньона — весьма интересен. Широкое ущелье — дно ледника, ясные морены, ледн[иковые] кары, дивный альпийский луг и пятна вечного снега на окружающих гребнях. Есть даже лесок карликовой широколистной ивы (не той, что в каньоне). Собрали довольно полный гербарий самого верхнего пояса, пофотографировали. В каньоне нашли прелестный водопад, метров 8—10 высоты. Из Битютэн-ама мы прошли к перевалу Сэпсул-даба, расположенному много западнее, чем Хусту-даба. Спускаясь по южному склону, прошли мимо Пунцук-обо. Я заехал на эту горку и видел Ваш ханский мавзолей²⁸. Взял схему, фото снять не удалось — гора была в облаке. Придя на Легин-гол, мы задержались там надолго. К юго-западу от Легин-гола пошаливали скопидоны с юга, население откочевало на север и восток.

Прямо на Шара-хулусун меня везти отказывались. Чтобы все поподробнее выяснить, я оставив караван в Лег'е*, налегке съездил в Юм-бэйсе и Йосту-бэйсе (к югу от SW оконечности г. Гичигиннуру). Пересек маршруты А. Н. Казнакова²⁹ и В. Ф. Ладыгина³⁰. Местные монголы еще помнят их и очень хорошо отзываются. Вернувшись, я собрал подробные данные о Легин-гольском земледелии, оказавшемся весьма и весьма древним, доставшимся монголам по наследству (об этом еще у Потанина, Гань-суйское путешествие³¹). Далее я прошел в Нэмэгэту. Долго задержаться в этом интересном хребте не пришлось — я торопился дальше. Видел там уларов. Перевалив эти горы, мы остановились в горах Тосту. Здесь я направил свой караван в Ноин-богдо, а сам с двумя проводниками-охотниками легким разъездом двинулся к г. Цаган-богдо, в места, теперь небезопасные.

К сожалению, в тех краях, т. е. в Цаган-богдо, была сильная засуха, что мне сильно напортило в деле сбора зоолог[ических] коллекций. Верстах в 50 к юго-западу от Потанинского пересечения г. Тосту есть ур[очище] Чоный-боом — группа песчаных барханов с саксаулом и тамариском. В этом урочище мне повезло: я добыл прелестный неповрежденный экземпляр *Salpingotus*'а, выкопав его из едва заметной, засыпанной им изнутри, норки. Не буду утверждать, что это *S. Kozłowi*, т. к. пойманный Колей в Хара-хото плохо помню³².

Дойдя до Цаган-богдо, я пошел вдоль северного склона Хуху-темирты к Шара-хулусуну. Проводник знал дорогу лишь до Хурун-дэль-худука (см. Ладыгинскую съемку), поэтому далее мы шли с некоторым риском, руководствуясь грубым изображением Ладыгинской съемки на сороковерстке. Одну ночь ночевали-таки голодом**, совсем без воды, после 50-верстного перехода. Видели следы медведя. К сожалению, вероятно вследствие засухи, медведей в этом году к востоку от Шара-хулусуна почти нет. На громадном расстоянии мы встретили следы всего 2—3 особей. Поэтому, несмотря на старания и поиски мы даже не видели гобийского мишки. С неделю стояли в Цаган-бургусуне, откуда съездил посмотреть Шара-хулусун. Усердно ловил грызунов, но попадались (кроме *Gerbillus*'ов 2 видов) лишь два вида — короткохвостый хомячок и длиннохвостая мышь. Оба вида в камышах.

Добыли очень интересную антилопу, редкую в Ц[ентральной] Гоби. Монголы называют ее «ада-боро». Я подумал: не Нань-шаньская ли ада — *Procapra picticauda*? Очень похожа на харасульту (убит самец), но меньше последней. Окраска: светлее, желтее харасульты и темнее, рыжее цаган-дзере. Хвост черный.

На обратном пути вышли на южный склон гор. В общем Хуху-Темирты меня несколько разочаровали. За исключением Цаган-Бургусуна и Шара-Хулусуна,

* Архив Русского географического общества, ф. 18, оп. 3, д. 629.

* Так в тексте.

** Так в тексте.

они почти ничем не отличаются от, скажем, Ноин-Богдо. Особо интересных птиц не отметил. Наличие медведя еще ничего не говорит, т. к., по словам монгол[ов], он держался в большом числе лет 20 назад, а м. б., и сейчас держится в горах Этэрингиин-нуру, а лет 30 тому назад попадался в диких участках Тосту. На обратном пути мы дали крюк в дикую пустыню к SO от Цаган-Богдо, где и встретили на 110-верстном безводном перегоне прошенных и моленных диких верблюдов. Удалось добыть громадного старого бура в очень хорошем виде. Взял шкуру и полный неповрежденный скелет. Дикий верблюд тех мест ничем не отличается по величине от домашнего.

Благодаря этой охоте наши верблюды не пили 4 дня. В населенные места мы вышли около ур[очища] Кобдэн (Потанин) к югу от Тосту. За весь разезд не видели ни одной юрты, ни одного монгола.

Заехав в Оботэн-хурул, я приехал в свою базу, стоящую около Гурбун-Гушемила. Не задерживаясь в Ноин-Богдо (вернулся я туда в конце октября), снова оставив свой караван, я с женой поехал на Эцзин-гол. Был там у Циндэ (помните «хуху-Циндэ»^{33?}). Вспоминали Вас.

Проехав на нашу стоянку в ур[очище] Бухан-хуб, мы побывали в гостях у Свена Гедина³⁴, уже полтора месяца стоявшего на Ихэ-голе. Принял он меня, как Вашего спутника и ученика, прекрасно. Мы с женой были приглашены к официальному завтраку. Гедин показал нам свою мет[еорологическую] станцию, которая проработает на Эдзин-голе не менее года. Экспедиция у него очень большая — около 80 чел[овек], из них свыше 20 научных сотрудников и до 300 верблюдов. Вышел он из Пекина, затем Бату, пересек Алашань, мимо Хара-хото пришел на Эдзин-гол. С Эдзин-гола он вышел 8 ноября и должен был через Ма-цзы-шань и Бэй-шань выйти на Хами, где и зазимовать. Небольшую партию, во главе с геологом, он направил северным путем, вдоль Хуху-Тёмирты, но удался ли этот план — сомневаюсь, так как для громадных северных, но бескормных и безводных переходов в этой местности его верблюды совершенно не годились. Они были в отвратительном состоянии — совершенно без горбов. Собирался он работать в Тянь-Шане, а дальнейшие его планы неизвестны. Главное внимание у него обращено на метеорологию. Почти на каждом переходе пускаются привязные баллоны для изучения верхних слоев воздуха. Насчет сбора естественно-исторических коллекций у Гедина дело совсем швах. Занимается этим делом врач экспедиции, имеющий очень туманное представление о препаровке³⁵ и совершенно не знающий фауны и флоры Гоби.

О Вас Гедин говорил очень тепло. В его экспедиции участвуют в качестве научных сотрудников и китайцы — они были навязаны ему. Да и вся экспедиция носит название «Китайско-Шведской», хотя китайские деньги там и не участвуют. Так вот, китайцы-археологи предложили Гедину поработать в Хара-хото. Он ответил: «Хара-хото — открытие и собственность моего друга, знаменитого путеше-

ственника Козлова, и я в его городе работать не буду»³⁶. Гедин просил передать Вам наилучшие пожелания и сердечный привет.

Вообще сейчас, минуя Пекин, работать в населенных местах Китая невозможно, особенно по археологии, так как вышел закон о запрещении иностранным экспедициям работать без ведома научных учреждений Китая и о запрещении вывоза исторических и археологических ценностей. Выпускаются лишь дубликаты.

Съездив в Хара-хото — я пробыл там всего 2—3 часа, — мы вернулись в Ноин-Богдо и на следующий же день, 15 ноября, тронулись в обратный путь. Идя большими переходами, без дневок и не работая в дороге, мы Вашим путем, через хошун Хит на Онгине, на восемнадцатый день пути были в Улан-Баторе. Это было 3 декабря. О нас здесь беспокоились и собирались искать.

Помимо подробного дневника (120 таких как эта страниц), я привез 20 шкур с черепами, около 15 грызунов в спирту, несколько экземпляров пресмыкающихся, до 300 листов гербария (200 видов) и 80 характерных фотографий. Птиц почти не собирал, привез лишь десятка полтора-два экземпляров, и интересных среди них нет. Лучший экземпляр — эцзингольский фазан.

Вот кратце ход и результаты моей гобийской поездки. Обошлась она в 2000 тугр[иков].

С тех пор как я получил в начале лета Ваше письмо, много воды утекло, многое переменялось. Самое главное тут то, что если бы Вы пожелали снова видеть меня в рядах Вашей новой экспедиции — мне пришлось бы отказаться. Причин этому много, самого различного свойства. Очень нелегко было мне прийти к такому решению, вместо того чтобы дожидаться весны с мыслью о Тибете. Но... ничего не поделаешь. Мне только очень не хотелось бы, чтобы это мое решение вызвало бы в Вас неприязненные чувства ко мне. Просто такова моя судьба. Грустно мне будет, когда Ваш караван пойдет на юг, но что же делать?

Все это не мешает мне с удовольствием выполнить Ваши поручения, если таковые будут. Мне очень хочется снова увидеться с Вами, показать свои работы, услышать Ваши советы, получить подкрепление к дальнейшей работе. Ведь я — всецело Ваш ученик и таковым и останусь.

Сюда откуда-то проникли сведения, что Вы будете в Урге уже в апреле. Верно ли это?

Из Тибета новостей не слышно. Сообщения почти нет. Нет известий и о Рерихе³⁷, хотя, м. б., Вы знаете о нем уже из иностранной печати. Донир³⁸ сидит на старом месте. Ему (по письму Коти) я о Вашей экспедиции сообщил. Как идет разборка Ваших материалов? Много ли еще нашли нового?

Старые товарищи меня не забывают. Получил письма от В. А., Васи, Коти, Коли³⁹. Как здоровье Елизаветы Владимировны? Ваших детей?

Вы же, наверное, чувствуете себя сильным и бодрым, вновь облеченным доверием правительства и

общества. Подготовка к новому подвигу идет, вероятно, полным темпом.

Кажется, сказал все, что хотел сказать в этом письме.

Передайте, пожалуйста, мой глубокий поклон и лучшие пожелания Елизавете Владимировне. Привет Владимиру Петровичу и Ольге Петровне, если они еще помнят меня.

Примечания

1. По-видимому, речь идет об инженере Weiske.
2. Лисовский Всеволод Игнатьевич — окончил Донской политехнический институт по отделению мелиоратора, сотрудник Управления русского советника при монгольском правительстве (1914—1917), участник экспедиции П. А. Витте по статистико-экономическому обследованию Монголии (1915—1916), с 1921 г. сотрудник Ученого комитета Монголии, где проводил большую научно-исследовательскую работу. В конце 1926 г. вернулся в Россию, работал ассистентом кафедры солонцеведения в Донском сельскохозяйственном институте в г. Новочеркасске.
3. Гнадеберг А. Г. — сотрудник Миннархоза, лесничий.
4. Жамцарано Цыбен Жамцаранович (1880—1942) — ученый-монголовед, организатор науки в Монголии, ученый секретарь Ученого комитета Монголии (1921—1929); в 1932 г. вынужден был уехать в Россию, жил и работал в Ленинграде, в Институте востоковедения АН (1932—1937). В августе 1937 г. был арестован, умер в заключении.
5. Имеется в виду Академия наук СССР.
6. Канаев Василий Михайлович (1903—?) — участник Монголо-Тибетской экспедиции П. К. Козлова 1923—1926 гг., а также экспедиций Е. В. Козловой в Монголию в 1929 и 1931 гг., в начале 1930-х гг. работал в Ученом комитете Монголии.
7. Видимо, речь идет о Гусеве Василии Андреевиче — препараторе, участнике Монголо-Тибетской экспедиции П. К. Козлова 1923—1926 гг. После ее окончания долгое время работал в Иркутском противочумном институте.
8. Пржевальский Николай Владимирович (1908—?) — внучатый племянник Н. М. Пржевальского, в начале 1925 г. вошел в состав Монголо-Тибетской экспедиции П. К. Козлова, работал вместе с А. Д. Симуковым в 1925—1926 гг. в Хара-хото.
9. Даниленко Константин Константинович (Котик) (1905—1931) — участник Монголо-Тибетской экспедиции. По ее окончании учился в Ленинградском восточном институте, умер, возвращаясь из Китая с практики.
10. Фучин — китаец, наемный рабочий, повар в Монголо-Тибетской экспедиции П. К. Козлова.
11. Вторушин Филипп — наемный рабочий в Монголо-Тибетской экспедиции П. К. Козлова.
12. Хара-хото — древний тангутский город (XI—XIII вв.) в низовьях р. Эдзин-гол (кит. Жошуй), на юге пустыни Гоби. Город прославили уникальные археологические находки, сделанные П. К. Козловым во время Монголо-Сычуаньской экспедиции 1907—1909 гг. А. Д. Симуков работал в Хара-хото в составе Восточной партии Монголо-Тибетской экспедиции П. К. Козлова в первой половине 1926 г.
13. Шастин Павел Николаевич (1872—1953) — врач, приехал в Монголию в конце июля 1923 г. по приглашению монгольского правительства для организации

Милия просит передать Вам ее лучшие пожелания в успехе подготовки к новой экспедиции. Надеемся проводить Вас из Урги лично.

Ваш А. Симуков

Р. С. Долг свой Вам (100 тугр[иков]) я уже давно внес на Ваш текущий счет в Монголбанк. Квитанции не посылаю, боясь утери.

- системы здравоохранения. В 1937 г. вернулся в СССР. Последние годы работал в пионерлагере Артек. Вместе с ним в Монголии жили и работали двое его сыновей (Антон Павлович и Леонид Павлович) и дочь Шастина Нина Павловна (1898—1980), впоследствии известный монголовед, научный сотрудник Института востоковедения АН СССР.
14. Имеется в виду семья Бадмажапова Цокто Гармаевича (1879—1937) — бурята, друга П. К. Козлова, участника Монголо-Камской экспедиции (1899—1901) П. К. Козлова; в 1920-е гг. сотрудника Минюста и Монценкопа. В 1931 г. выслан в СССР. В октябре 1937 г. арестован, расстрелян.
15. В 1924 г. сотрудница экспедиции П. К. Козлова Елена Петровна Горбунова вышла замуж за юриста советского полпредства в Монголии Всесвятского Петра Васильевича (1884—1938). В Монголии он проработал до 1930 г., затем был переведен в Москву, в Верховный Суд СССР (1930—1936), позже в Наркомюст Казахской ССР в Алма-Ате (1937). В 1937 г. арестован, расстрелян. Горбунова Елена Петровна (1888—1973) — сестра управляющего делами СНК Н. П. Горбунова (1892—1937). После возвращения из Монголии воспитывала детей, с 1937 г. в Алма-Ате преподавала в школе, позже в Казахском государственном пединституте им. Абая.
16. Козлова Елизавета Владимировна (1892—1975) — вторая жена П. К. Козлова (с 1912 г.), видный зоолог (орнитолог), доктор биол. наук, работала в Зоологическом институте АН СССР. Участница экспедиций в Монголию в 1929 и 1931 гг.
17. Козлов Владимир Петрович (1897—1971) — сын П. К. Козлова от первого брака, ученый-почвовед, окончил ЛГУ. Принимал участие в переиздании трудов отца.
18. Козлова (в замужестве Мясоедова) Ольга Петровна (1903—1982) — дочь П. К. Козлова от первого брака, художник-иллюстратор.
19. Бадмажаповы Вера и Марина — приемные дочери Ц. Г. Бадмажапова.
20. Имеется в виду система почтово-пассажирских станций — уртонов.
21. Насонов Николай Викторович (1855—1939) — биолог, зоолог, академик Петербургской академии наук. Возможно, речь идет о книге: *Насонов Н. В. Географическое распространение диких баранов Старого Света. Петроград, 1923. 255 с.*
22. Бялыницкий-Бируля Алексей Андреевич (1864—1937) — зоолог, зоогеограф, полярный исследователь, чл.-кор. АН (1923), директор (1921—1929) Зоологического музея АН, профессор ЛГУ. Снят с должности директора в ноябре 1929 г. и до момента ареста временно исполнял обязанности старшего зоолога. Арестован в ноябре 1930 г. по «академическому делу», приговорен к 3 годам лагерей.
23. Сушкин Петр Петрович (1868—1928) — орнитолог, академик АН СССР (1925), научный руководитель Е. В. Козловой.

24. Кондратьев Сергей Александрович (1896—1970) — участник Монголо-Тибетской экспедиции П. К. Козлова, проводил по поручению П. К. Козлова археологические раскопки Ноин-Ульских курганов (1924—1925), занимался исследованием музыкального фольклора монголов, работал в Ученом комитете МНР (1925—1931); после возвращения в Москву заведовал музыкальной частью Московского Драматического театра, был дирижером Центрального театра Красной Армии. О какой его работе пишет А. Д. Симуков, выяснить не удалось.
25. Кузнецов Алексей Александрович — бывший сотрудник золотопромышленной компании «Монголор», в 1924—1925 гг. оказывал большую помощь экспедиции П. К. Козлова при проведении археологических раскопок в Ноин-Уле.
26. Воробьевы — семья русских колонистов в Монголии (пос. Мандал), оказывали помощь экспедиции при проведении раскопок в Ноин-Уле. Вася — Васса Воробьева.
27. В ноябре 1927 г. П. К. Козлов представил на рассмотрение правительства план новой трехлетней экспедиции в Тибет, к истокам Янцзы, с посещением Лхасы. Однако Наркоминдел и ОГПУ резко выступили против очередной центральноазиатской инициативы путешественника. Несмотря на активную поддержку со стороны Академии наук, Географического общества и др., П. К. Козлову в конце февраля 1928 г. было отказано в организации новой экспедиции.
28. П. К. Козлов посетил Пунцук-обо (Пунцэн-обо) 6 июля 1926 г. См.: *Козлов П. К. Дневники Монголо-Тибетской экспедиции 1923—1926 гг.* СПб., 2003. С. 877—879.
29. Казнаков Александр Николаевич (1871—?) — помощник П. К. Козлова в Монголо-Камской экспедиции 1899—1901 гг. До революции директор Кавказского музея в Тифлисе. Описание маршрута А. Н. Казнакова см.: *Казнаков А. Н. Мои пути по Монголии и Каму / Монголия и Кам. Труды экспедиции ИРГО, совершенной в 1899—1901 гг. под руководством П. К. Козлова.* СПб., 1907. Т. II, вып. I. 136 с.
30. Ладыгин Вениамин Федорович (1860—1923) — участник Тибетской экспедиции (1893—1895) В. И. Роборовского и Монголо-Камской экспедиции (1899—1901) П. К. Козлова. С 1912 г. старший коммерческий агент КВЖД в Харбине. Описание маршрутов В. Ф. Ладыгина см.: *Ладыгин В. Ф. О пересечении Гоби от Далин-туру в Су-чжоу: Вести из экспедиции П. К. Козлова // Изв. ИРГО. 1900. Т. XXXVI, вып. II. С. 169—197; Он же. Поездка на верховья реки Урунгу* (Булугун): Вести из экспедиции П. К. Козлова // Изв. ИРГО. 1900. Т. XXXVI, вып. I. С. 47—66.
31. Имеется в виду Третье Ганьсуйское путешествие Г. Н. Потанина (1884—1886).
32. Еще во время Монголо-Сычуаньской экспедиции П. К. Козлова 1907—1909 гг. недалеко от Хара-хото удалось поймать редкий экземпляр тушканчика. Позднее, обрабатывая коллекции экспедиции, зоолог В. С. Виноградов установил, что тушканчик представляет новый вид и род. Он назвал его именем П. К. Козлова (*Salpingotus Kozlowi*).
33. Монгол Цэндэ (Циндэ) в мае—июле 1926 г. был проводником в Монголо-Тибетской экспедиции П. К. Козлова.
34. Гедин Свен Андрес (Hedin, Sven Andres) (1865—1952) — известный шведский путешественник, исследователь Среднего Востока и Центральной Азии: Персия, Восточный Туркестан, Тибет, Китай, Монголия.
35. Имеется в виду «препарирование»
36. Первый раз П. К. Козлов попал в Хара-хото в марте 1908 г. во время Монголо-Сычуаньской экспедиции. Произведя обследование древнего города и небольшие археологические раскопки, путешественник отправился далее по запланированному маршруту. В мае 1909 г. экспедиция П. К. Козлова произвела вторичные археологические раскопки. В этот раз находки превзошли все ожидания: в одной из культовых построек — субургане, получившем название «Знаменитый», П. К. Козлову повезло найти богатейшую коллекцию, содержащую тысячи книг и рукописей на тангутском, китайском, тибетском и уйгурском языках, сотни скульптур и икон, святыни из буддийских храмов и т. п. Материалы из «Знаменитого» субургана позволили ученым восстановить историю забытого тангутского государства Си-Ся, просуществовавшего около 250 лет (982—1227) на территории современного Северного Китая. Третий раз П. К. Козлов был в Хара-хото в июне 1926 г.
37. Рерих Николай Константинович (1874—1947) — художник, путешественник, инициатор движения в защиту памятников культуры. С 1916 г. жил в Финляндии, США, с 1927 г. в Индии. В сентябре 1926 г. во главе Центрально-азиатской экспедиции прибыл в Ургу, где пробыл до апреля 1927 г.
38. Дони́р (дхонир, dhonir) — представитель правительства Далай-ламы XIII в Урге.
39. Имеются в виду члены Монголо-Тибетской экспедиции П. К. Козлова: Василий Андреевич Гусев, Василий Михайлович Канаев, Константин Константинович Даниленко, Николай Владимирович Пржевальский (см. предыдущие примечания).

Литература

1. *Козлов П. К. Дневники Монголо-Тибетской экспедиции 1923—1926 гг.* СПб., 2003.
2. *Кривель А. Самый синий Хангай.* М., 1987.
3. *Решетов А. М. Андрей Дмитриевич Симуков: основные этапы жизни и направления научной деятельности // VI Международный конгресс монголоведов (Улан-Батор, август 1992 г.). Доклады российской делегации. Ч. 2: Филология. Культура. Религия.* М., 1992.
4. *Симуков А. Д. Труды о Монголии и для Монголии: В 2 т.* Осака, 2007.
5. *Шастина Н. П. Из воспоминаний о Монголии // Книга братства.* М.; Улаанбаатар, 1971.
6. *Mongolica III.* СПб., 1994.